

DOI 10.25991/VRHGA.2023.1.1.003

УДК: 1(091)

*Г. С. Земляков**

ЭЛЕМЕНТЫ ЛОГИЧЕСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ И ЕЕ ГРАНИЦЫ В ФИЛОСОФИИ ПАРМЕНИДА

В статье рассматриваются основные логические схемы и приемы, в соответствии с которыми строились рассуждения Парменида о «бытии». Особо рассматривается доказательство о невозможности происхождения «сущего» из «не-сущего» во времени. Отмечается, что основное ядро данного доказательства элеата представляет собой так называемое «косвенное доказательство» и в целом укладывается в рассуждение «через невозможное». Проводится формальная и содержательная реконструкция данного доказательства. Прослеживается сходство доказательства Парменида с «несовершенным умозаключением» Аристотеля.

Устанавливаются некоторые нелогические аргументы, использованные философом в его доказательствах принадлежности «бытию» различных атрибутов. Среди них выделяются такие, как ограничение на использование отрицательных выражений в языке, интуитивное принятие Парменидом ряда аксиом, убеждения философа относительно особенностей способности мышления.

Ключевые слова: Парменид, логика, дедуктивное доказательство, атрибуты сущего, история философии.

G. S. Zemlyakov

ELEMENTS OF LOGICAL ARGUMENTATION AND ITS BOUNDARY IN PARMENIDES' PHILOSOPHY

The article considers the basic logical schemes and techniques under which Parmenides' reasoning on «Being» was built. The proof of the impossibility of the origin of «being» from «nothingness» in time is especially considered. It is noted that the core idea of the Eleatics proof is the so-called «indirect evidence» and, on the whole, it fits into the reasoning «through the impossible». A formal and substantive reconstruction of this proof is made. The similarity of Parmenides' proof with Aristotle's «imperfect inference» is traced.

Some illogical arguments used by the philosopher in proving various attributes belonging to «being» are established. Among them figure out such as the restriction on the use of

* Земляков Глеб Сергеевич, аспирант, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского; glebzem86@gmail.com

negative expressions in language; Parmenides' intuitive acceptance of a number of axioms and philosopher's beliefs toward to the peculiarities of thinking capacity.

Keywords: Parmenides' logic, deductive proof, attributes of beings, history of philosophy.

О наличии логических приемов и схем рассуждения у Парменида уже не раз говорилось в отечественной и зарубежной историко-философской литературе. При этом среди исследователей никогда не было единого мнения относительно источника «логики» Парменида. Некоторые из ученых (например, Жмудь) склонялись к тому, что Парменид заимствовал приемы аргументации из современной ему математики. Иные исследователи (Сабо и некоторые другие), напротив, полагали, что элеаты сами были создателями отдельных приемов проведения математических доказательств, а уже из философских наработок элейских мыслителей эти методы перешли в древнегреческую математику. Так или иначе, наличие самих доказательств у Парменида, в особенности дедуктивных умозаключений, не отрицалось ни одним из серьезных историков философии.

Не вдаваясь в спор об источнике логически корректных рассуждений Парменида, попробуем реконструировать некоторые из них. И хотя эта задача не является тривиальной, тем не менее, не в этом заключается ее актуальность. Перевод некоторых выражений Парменида на язык математической логики значим тем, что вскрывает особую связь онтологии и логики. Эта связь многогранна, но более всего она проявляется в производимых в философии выводах. Помимо этого, пристальный логический анализ философского текста элеата способен показать, что многие онтологические положения, принимавшиеся элейским философом за «начала» производимых им доказательств, находят обоснование своей истинности отнюдь не в интуиции и не в чувственном восприятии. Такие тезисы Парменида, как, например, «Сущее есть» (фр. 2, 3') [13, с. 295], «Нет, никогда не вынудить это: «не-сущее сущее»» (фр. 7, 1) [13, с. 296], ««Было» — значит не есть» (фр. 8, 20) [13, с. 296], получают свою истинностное значение благодаря особой «логике», вложенной в них, а не в силу их самоочевидности.

Отдельно по ходу исследования станут понятными границы используемой Парменидом «логики», к которым уже на данном этапе исследования можно отнести не только те истины, которые, по всей видимости, считались философом самоочевидными или интуитивно ясными, но также, возможно, некоторые тезисы, находящие себе опору в мифологической традиции.

Не претендуя на то, чтобы охватить в небольшом исследовании весь материал по озвученной теме, хотелось бы остановиться лишь на некоторых доказательствах Парменида, в частности на доказательстве невозможности происхождения «сущего» во времени, его рождении и гибели в нем. Это доказательство элеата можно было бы назвать доказательством присущности «сущему» такого признака, как «вечность».

* Здесь и далее ссылки на фрагменты Парменида приводятся по изданию: Фрагменты ранних греческих философов. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. — М.: Наука, 1989.

Обозначенное таким образом доказательство является самым обширным из всех, представленных элеатом. Оно представляет собой пространное рассуждение, расположенное в разделе В 8, 5–21. Однако, если присмотреться к нему внимательнее, то можно заметить, что оно разбивается на части и имеет определенную структуру. Не вдаваясь в детальное рассмотрение формальной структуры и содержания данного отрывка, можно сказать, что в данном рассуждении всего четыре части. Они разбиваются в данном отрывке риторическими вопросами, которые «безымянная богиня» задает своему гостю. Эти вопросы задают основное проблемное поле в данном отрывке, так что все рассуждение в нем оказывается ответом на них. Ответов этих, согласно контексту отрывка, может быть всего четыре. Здесь все дело в том, что, в зависимости от контекста, доказательство невозможности темпорального происхождения «сущего» во времени может быть прочитано четырьмя различными способами, так что получится не одно, а четыре схожих между собой доказательства. Они такие: 1) о невозможности для «сущего» появляться из «не-сущего»; 2) о невозможности для «сущего» исчезать в «не-сущем»; 3) о невозможности для «сущего» появляться из «сущего»; 4) о невозможности для «сущего» исчезать в «сущем».

Остановимся на первых двух из обозначенных выше доказательств, а именно на невозможности рождения «сущего» из «не-сущего» и его гибели в нем. Оба эти доказательства можно реконструировать в их обобщенном виде следующими тезисами:

- «сущее» родится из «не-сущего» или «сущее» погибает в «не-сущем» (фр. 8, 5–11);
- невозможно, чтобы «сущее» рождалось из «не-сущего» или погибало в «не-сущем», т. к. это бы означало, что «сущее» было или будет «не-сущим» и, соответственно, «не-сущее» было или будет «сущим». Но это невозможно, поскольку представляет собой противоречие (фр. 8, 19–21);
- «сущее» не рождается из «не-сущего» и не погибает в нем (фр. 8, 16–18).

Представленное таким образом доказательство представляет собой доказательство через невозможное или через сведение к абсурду. Оно во многом сходно с доказательством, построенным от противного. Отличие между ними состоит в исходном тезисе, который в зависимости от типа доказательства стремятся или опровергнуть (при доказательстве через невозможное), или подтвердить (в случае доказательства от противного).

Следует обратить внимание на то, что всякое такое доказательство есть всегда «непрямое», или «косвенное доказательство». Такого рода доказательства обычно используются в том случае, «когда в ходе некоторого основного рассуждения строятся другие рассуждения, носящие вспомогательный характер» [4, с. 78]. Обычно такие рассуждения используются в математике и, по-видимому, в конце VI века они уже имели место в Греции.

Приведенное доказательство можно представить в схематическом виде:

$$\frac{\Gamma, A \vDash B \wedge \neg B}{\Gamma \vDash \neg A}$$

Читается это высказывание таким образом: для обоснования некоторого тезиса из множества формул или высказываний принимают в качестве до-

пушения и стремятся вывести из и противоречие — некоторую формулу и ее отрицание. При положительном решении данных вспомогательных задач заключают, что тезис обоснован посредством аргументов.

Из этой формулы хорошо видно, что рассуждение Парменида в целом укладывается в данную схему. Так, можно сказать, что у элеата в ряд формул из входят все те «аксиомы», которые философ принимает, вступая на путь «есть» и отрицая оба других пути, а именно: «Сущее есть» (фр. 2, 3; фр. 6, 1–2) [13, с. 295, 296], «Ничто не есть» (фр. 6, 1–2) [13, с. 296], «Нет, никогда не вынудить это: «не-сущее сущее»» (фр. 7, 1) [13, с. 296]. За антитезис в приведенном выше рассуждении элеат принимает простое суждение: «Сущее произошло из не-сущего» (фр. 8, 5–11, а также частично 19–21). При этом данное «происхождение» рассматривается Парменидом в последующем рассуждении во временном отношении. Иными словами, «сущее» принимается философом как то, что «было», или как то, что «будет». Это следствие из принятого ранее антитезиса, которое на первый взгляд кажется вытекающим из него непосредственно. Однако из этого же антитезиса, т. е. из того постулата, что «Сущее произошло из не-сущего» во времени, не следует напрямую то положение, что «сущее» «не было» и «не будет». Этот тезис у Парменида опосредован дополнительным рассуждением (фр. 8, 19–21), привлекающем ряд тезисов из состава формул в, т. е. из «аксиом», или «начал», доказательства элеата.

Самый большой интерес в приведенном рассуждении вызывает дополнительное, или, так сказать, «вспомогательное доказательство», на основании которого элеатом делается вывод о противоречивости выдвинутого допущения, вернее антитезиса. Это особое доказательство заключается всего в трех строках 8-го фрагмента (фр. 8, 19–21):

Как может «быть потом» то, что есть, как могло бы «быть в прошлом»?
«Было» — значит не есть, не есть, если «некогда будет».
Так угастро рожденье и без вести гибель пропала.

Здесь, в первом риторическом вопросе первой строки, философ вопрошает о том, как могло бы «сущее» находиться в прошлом или в будущем, очевидным образом предполагая для «сущего» эту возможность, т. е. выдвигая некоторое допущение. Затем в следующей строке в 20-м стихе идет сложное опровержение данной возможности для «сущего», представленное в виде двух импликаций, или энтимем. Наконец, в последней строке в 21-м стихе уже напрямую, а не риторически, говорится о невозможности для «сущего» иметь «рождение» и «гибель» во времени.

Учитывая контекст, заданный элеатом поставленными им вопросами и обозначенными дополнениями к ним, речь может идти о «рождении» и «гибели» в двух отношениях. Или в отношении «сущего», или в отношении «не-сущего». И действительно, философ спрашивает в том же фрагменте: «Как, откуда взросло? Из несущего?» (фр. 8, 7) [13, с. 296]. И затем дополняют свой вопрос: «Но и из сущего...» (фр. 8, 12) [13, с. 296]. Таким образом, по мнению Парменида, «сущее» может происходить или из «сущего», или из «не-сущего». Иными словами, оно может «рождаться» из «не-сущего» или «погибать» в нем, или, напротив, «рождаться» или «погибать» из «сущего». Согласно тому, о чем

именно идет речь, доказательство может быть прочитано четырьмя разными способами.

Особый интерес в приведенном отрывке вызывают две импликации, также иногда называемые энтимемами. Различные переводы 20-й строки 8-го фрагмента не оставляют никакого сомнения в том, что в данном случае имеют место два сокращенных силлогизма: «Нет его, если оно возникло иль в будущем будет» (пер. М. А. Дынника) [1, с. 48]; «То, что было, — не есть; не есть и то, что в грядущем» (пер. М. Л. Гаспарова) [14, с. 180]; «Ведь если родилось, значит, не было, значит, почему-то запоздало стать» (пер. В. Г. Рохмистрова) [12, с. 180]; «Ведь если оно родилось, то его нет, равно как и если бы оно некогда собралось быть» (пер. Е. В. Афонасина) [3, с. 48]. Эти импликации составляют ядро «вспомогательного доказательства» Парменида и образуют вторую посылку в его рассуждении через невозможное.

На интуитивном уровне обе импликации Парменида кажутся весьма понятными. Однако эта самоочевидность обманчива. Тем не менее эти тезисы казались философу, по всей видимости, абсолютно несомненными, из-за чего он посчитал излишним специально доказывать или каким-то образом объяснить их.

Обе импликации в их обобщенном виде могут быть выражены следующими предложениями: а) «Если сущее было, то сущее не есть», б) «Сущее не есть, если некогда сущее будет». Получившиеся в результате реконструкции обоих импликаций высказывания (а) и (б) не являются в действительности самоочевидными. Не трудно угадать в них сокращенные силлогизмы с пропущенными посылками, т. е. энтимемы.

Объяснение устройства данных энтимем и их реконструкция до полноценных категорических силлогизмов может вскрыть определенную логику, скрывающуюся за теми самоочевидными на первый взгляд положениями, которые находятся в основании онтологии Парменида.

Стоит сразу заметить, что Парменид в своем высказывании (фр. 8, 20) пользовался глаголами «было» и «будет», впрочем, как и выражением «есть» вместе с его отрицанием, в качестве предикатов «сущего». Соответственно, не вдаваясь в подробности механизма реконструкции энтимем, первую из них (а) можно представить так:

- 1) «сущее» (S) было в прошлом (M);
- 2) то, что было в прошлом (M), не есть (P);
- 3) «сущее» (S) не есть (P).

И, соответственно, вторую энтимему (б) таким образом:

- 1) «сущее» (S) будет потом (M);
- 2) то, что будет потом (M), не есть (P);
- 3) «сущее» (S) не есть (P).

Представим теперь в обобщенном виде доказательство невозможности происхождения «сущего» во времени, т. е. доказательство невозможности его «рождения» из «не-сущего», представляющее собой одно из четырех доказательств у Парменида в приведенном фрагменте:

предположим, что «сущее» рождается из «не-сущего» (фр. 8, 5–7);
тогда «сущее» будет потом (фр. 8, 7; 19–20);
то, что будет потом, не есть (фр. 8, 20);
«сущее» не есть (фр. 8, 20);
неверно, что «сущее» будет потом (фр. 8, 21);
неверно, что «сущее» рождается из «не-сущего» (фр. 8, 21).

Стоит ненадолго задержаться на этом построении. По отношению к реконструированным ранее энтимемам следует привести слова польского логика и математика Я. Лукасевича, подчеркивавшего, что «каждый аристотелевский силлогизм — это истинная импликация, антецедентом которой является соединение посылок, а консеквентом — заключение» [9, с. 86]. При этом понятно, что в импликациях, представляющих собой в действительности энтимемы, или сокращенные умозаключения, в которых пропущена либо одна из посылок, либо заключение, связь между аргументами и выводом из них носит неочевидный характер. Этим они сближаются с так называемыми «несовершенными силлогизмами» Стагирита. Польский логик в этом отношении подчеркивает, что «несовершенные силлогизмы не самоочевидны; они должны быть доказаны с помощью одного или более предложений, которые следуют из посылок, но отличны от них» [9, с. 87]. Применительно к такому «несовершенному силлогизму», ядром которого выступает энтимема, это означает, что в нем может быть упущено достаточно сложное основание, объясняющее логическую связь между посылками и заключением.

Приведенная выше реконструкция одной из энтимем в составе «вспомогательного доказательства» Парменида до полноценного умозаключения показывает большое сходство полученного таким образом рассуждения с «несовершенным силлогизмом» Аристотеля.

Сам Аристотель в своей «Первой аналитике» давал следующие определения «совершенного» и «несовершенного» умозаключений, т. е. силлогизмов:

Совершенным силлогизмом я называю такой, который для выявления необходимости [заключения] не нуждается ни в чем другом, кроме того, что принято. несовершенным я называю такой, который хотя и является необходимым благодаря положенным в основание [данного силлогизма] терминам, но нуждается в одном или нескольких [суждениях], которых нет в посылках [2, с. 5].

Свои определения Стагирит относил к доказательствам присущности одних признаков или родов «сущего» к другим. Не сложно заметить, что у Парменида в его 8-м фрагменте речь идет о присущности «сущему» ряда неотъемлемых признаков.

Несмотря на то, что Аристотель говорил о «несовершенных силлогизмах» по преимуществу в отношении категорических умозаключений, его определение распространялось им на так называемое доказательство «через приведение к невозможному». Это последнее также относилось Аристотелем к категорическим силлогизмам, но считалось философом по ряду причин менее совершенным. Отсюда и название.

Согласно Аристотелю, доказательство через невозможное есть доказательство отрицания некоторого тезиса через взятие в оборот противоположного

ему — утверждения, из которого выводится соответствующее противоречие. Нетрудно заметить, что устройство данного доказательства похоже на рассуждение путем приведения к абсурду, в котором исходным пунктом также является некоторое гипотетическое предположение, тогда как доказываемый тезис является его отрицанием.

Типичным примером доказательства через невозможное выступает то, которое дал уже сам Аристотель:

если нужно доказать, что А не присуще Б, то следует принять, что оно [ему] присуще и что Б также присуще В; так что отсюда следует, что А присуще В. Но должно быть известно и признанно, что это невозможно. Следовательно, не может быть, чтобы А было присуще Б. Итак, если признано, что Б присуще В, то А не может быть присуще Б [2, с. 363–364].

Схема этого примера Аристотеля такова:

(1) А присуще Б	(допущение)
(2) Б присуще В	(1-я посылка в силлогизме)
(3) А присуще В	(2-я посылка в силлогизме)
(4) Неверно, что А присуще В	(заключение силлогизма)
(5) Неверно, что А присуще Б	(вывод)

Это умозаключение Стагирита можно свести к более адекватной математическому способу рассуждения форме. Например, такому. Известно, что А не присуще В, а Б присуще В. Необходимо доказать, что А не присуще Б. Предположим, что А присуще Б. Тогда А присуще В. Но это неверно по одному из условий задачи. Следовательно, А не присуще Б.

По аналогии с аристотелевским можно выстроить рассуждение Парменида, в целом удовлетворяющее структуре «несовершенного силлогизма» и всем тем критериям, которые Стагирит предъявлял к нему.

Известно, что «сущее» (А) есть (Б), а все то (В), что рождается из «не-сущего», будет потом (Г). То, что будет потом (Г), не есть (не-Б). Необходимо доказать, что «сущее» (А) не есть нечто (В), что рождается из «не-сущего».

- (1) Предположим, что «сущее» (А) есть нечто (В), что рождается из «не-сущего».
- (2) Но то (В), что рождается из «не-сущего», будет потом (Г).
- (3) То, что будет потом (Г), не есть (не-Б).
- (4) «Сущее» (А) не есть (не-Б).
- (5) Однако это неверно по одному из условий задачи — «сущее» (А) есть (Б).
- (6) Следовательно, «сущее» (А) не есть то, что рождается из «не-сущего» (В). На этом доказательство можно считать завершённым.

Приведенное рассуждение более детально, чем это было у самого Парменида, раскрывает ход его мысли. У элеата пункт (1) задается вопросом: «Как, откуда взросло? Из несущего?» (фр. 8, 7) [13, с. 296] — и всем обрисованным контекстом фрагмента 8. Пункт (2) задается другим риторическим вопросом: «Как может «быть потом» то, что есть ...» (фр. 8, 19) [13, с. 296]. Пункты (3) и (4)

сокращены в одном имплицативном высказывании: «Было» — значит не есть, не есть, если «некогда будет» (фр. 8, 20) [13, с. 296]. Пункт (5) у Парменида отсутствует, но все же предполагается в качестве прямого следствия из принятой им в рассуждении аксиоматики. Наконец, пункт (6) выражен словами: «Так угасло рождение и без вести гибель пропала» (фр. 8, 21) [13, с. 296].

Теперь, если сократить две посылки развернутой энтимемы до одного простого суждения, а также соединить признак «быть потом» с непосредственно связанным с ним «не-сущим», то можно получить более сжатое изложение всего рассуждения Парменида.

Известно, что «сущее» (А) есть «существующее» (Б), а все то (В), что родилось из «не-сущего», было «несуществующим» (не-Б). Необходимо доказать, что «сущее» (А) не есть нечто (В), что родилось из «не-сущего».

- (1) Предположим, что «сущее» (А) есть нечто (В), что родилось из «не-сущего».
- (2) Но то (В), что родилось из «не-сущего», есть то, что было «несуществующим» (не-Б).
- (3) Тогда «сущее» (А) было «несуществующим» (не-Б).
- (4) Однако это неверно по одному из условий задачи — «сущее» (А) есть «существующее» (Б).
- (5) Следовательно, «сущее» (А) не есть то, что родилось из «не-сущего» (В). На этом можно закончить доказательство.

Приведем формальную структуру данного рассуждения:

(1) А есть В	(допущение)
(2) В есть не-Б	(1-я посылка в силлогизме)
(3) А есть не-Б	(2-я посылка в силлогизме)
(4) Неверно, что А есть не-Б	(заключение силлогизма)
(5) Неверно, что А есть В	(вывод)

Стоит отметить, что в данном «несовершенном силлогизме», подобно тому, как это было и в аристотелевском примере, в составе посылок отсутствует то суждение, на основании которого на четвертом шаге рассуждения делается заключение, а именно «А есть Б». Построенный силлогизм во всем сходен с тем, какой Стагирит приводил в качестве примера «несовершенного силлогизма». Это рассуждение также представляет собой доказательство через невозможное. Оно привлекает в качестве дополнительного аргумента тот, который отсутствует в изначальном множестве посылок, а само рассуждение при этом строится от утверждения к отрицанию, как это бывает в доказательстве через невозможное. Таким образом, произведенное построение доказательства невозможности «рождения» «сущего» из «не-сущего» практически во всем укладывается в аристотелевский «несовершенный силлогизм».

Сам факт возможности реконструкции «несовершенных силлогизмов» элеата, объясняющих выводы, которые философ делал относительно вневременного статуса «сущего», показывает, что соответствующие суждения о данном «сущем» не являются результатом какой-либо чувственной или интеллектуальной интуиции. Отнюдь. Они получают свое истинностное зна-

чение благодаря той логической связи, которая существует между посылками и заключением в доказательствах Парменида.

Стоит также отметить, что некоторые из аксиом, принимавшихся Парменидом в его рассуждениях, также могут быть доказаны в рамках той «логики», какую использовал философ в его доказательствах присущности «сущему» тех или иных признаков. Это в особенности касается тезиса «Сущее есть» (фр. 2, 3) [13, с. 295], который легко можно доказать способом от противного.

Условимся, что «сущее» — это нечто «существующее», а «не-сущее» — нечто «несуществующее». Необходимо доказать, что «сущее» есть нечто «существующее». Предположим противное. Допустим, что «сущее» есть нечто «несуществующее». Тогда, согласно принятым аксиомам, нечто «несуществующее» будет чем-то «существующим». Но это противоречие: одно здесь исключает другое. Соответственно, «сущее» не есть нечто «несуществующее». Т. е. «сущее» «существует». Доказательство завершено.

Чуть в более строгом и, с другой стороны, более приближенном к тексту Парменида варианте, данное пространное рассуждение можно представить в следующем схематическом виде:

- 1) «сущее» — то, что есть;
- 2) «не-сущее» — то, что не есть;
- 3) предположим, что «сущее» не есть;
- 4) тогда то, что есть, есть то, что не есть;
- 5) неверное, что «сущее» не есть;
- 6) «сущее» есть.

Такого доказательства у самого Парменида не было. По всей видимости, оно отсутствовало потому, что у элейского философа просто не было в распоряжении более или менее отчетливых понятий «сущее» и «не-сущее». К тому же элеат не различал «сущее» и «существование» как дефиниендум (определяемое имя) и дефиниенс (определяющее выражение). Основную задачу Парменид видел в первую очередь в том, чтобы дать в определении «сущего» набор неотъемлемых от него сущностных признаков, в которые, по-видимому, не входило само же «существование», если, конечно, не рассматривать тезис «Сущее есть» (фр. 2, 3) [13, с. 295] в качестве определения.

Стоит также отметить, что приведенное доказательство построено на ошибке. Ошибка эта называется «кругом в доказательстве» и заключается в том, что справедливость доказываемого положения ««Сущее» есть» обосновывается посредством этого же положения, высказанного в несколько иной форме, — ««Сущее» — то, что есть». Тем самым получается, что «обосновываемая мысль выводится из самой себя, и получается не доказательство, а пустое хождение по кругу» [7, с. 297]. Это действительно так, но, по всей видимости, иным образом данное доказательство просто невозможно провести, поскольку в составе его аргументов и доказываемого тезиса находятся предельно общие понятия. Обычно такие понятия, часто называемые «категориями», определяются друг через друга [6, с. 345]. Но также верно и то, что всякое положительное определение общих «категорий» представляют собой тавтологию [8, с. 25]. Поскольку же тезис «Сущее есть» представляет собой подобное определение,

то его доказательство не может быть построено иначе, чем тавтологически. Сюда же привлекается и определение «не-сущего», поскольку «сущее», с другой стороны, может быть определено только посредством своей противоположности. Этому, впрочем, не стоит удивляться, поскольку вся философия Парменида представляет собой «хождение по кругу».

Следует сказать, что у элейца не было и доказательства невозможности для «не-сущего» быть «несуществующим». Эта истина также, по всей видимости, казалась Пармениду самоочевидной.

Необходимо также отметить, что некоторые свои тезисы Парменид не доказывал строго логически, но приводил в качестве обосновывающих их аргументов ссылки на сюжеты из мифологии, а также доводы из такой области знания, которую сегодня называют эпистемологией. Такие аргументы в доказательствах элейца можно было бы назвать нелогическими. Сюда относятся указания элейца на неспособность мышления и языка выразить «не-сущее» или отрицать существование предмета мысли, а также указание на «оковы Правды», «нужду», «Убеждения силу» и пр.

Например, свое первое доказательство вечности «сущего» Парменид подкрепляет аргументом, который не имеет какой-либо логической структуры. Философ утверждает, что «сущее» не может возникнуть из «не-сущего» потому, что последнего не существует. Не существует же «не-сущее» потому, что оно немыслимо, так как мыслить и говорить можно только о «сущем». Последнее, впрочем, нисколько не объясняет самой неспособности «не-сущего» стать объектом мышления. При этом Парменид ничего не говорит о самом мышлении, а только констатирует неспособность мысли отразить в себе то, что называется «не-сущим». Этот аргумент сам, таким образом, требует собственных доказательств. Однако о последних или совсем ничего неизвестно, или известно только то, что философ говорит о мышлении в 16-м фрагменте пути Мнения. Но этот фрагмент выходит за рамки приводимого в 8-м фрагменте доказательства, а рассуждение в нем строится не логически. 16-й фрагмент вообще не представляет собой строгого рассуждения или доказательства, но это, скорее, «физическое» объяснение способности мыслить.

С другой стороны, можно, конечно, сказать, что мыслить «не-сущее» невозможно потому, что противоречие принципиально немыслимо: «немыслимо, невыразимо есть, что не есть» (фр. 8, 8–9) [13, с. 296]. Однако в этом случае объект мышления будет всецело зависеть от самой мысли, а не наоборот. Но это предмет дискуссионный.

Сразу же после приведенного аргумента философ упоминает (фр. 8, 12–15) о «силе Убеждения» и «оковах Правды», не дающих «бытию» возникнуть или родиться из чего-либо, помимо него самого. Это рождение или происхождение «сущего» из «сущего» несколько противоречит всему тому, что Парменид говорит о невозможности для «сущего» иметь «начало» и «конец» во времени, т. е. вообще «происходить». Нужно думать, что приведенные здесь доводы являются внешними ко всей аргументации, приведенной в отрывке. И действительно, понятие Правды и ее оков находится в прямой связи с представлением философа о границах оков богини Ананке и оковах Судьбы, замыкающих «сущее» в неподвижном состоянии, во фрагменте 8 несколькими строками ниже. Эти

мифологические персонажи играют несколько противоречивую роль в философии Парменида. Судьба, Ананке и Правда связывают строго логическое рассуждение с общепринятым «мнением», изложенным во второй части поэмы, где «сущее» уже не косно и статично, но имеют место «рождение» и «гибель». По-видимому, это-то обстоятельство и находит свое выражение в «силе Убеждения», заставляя философа говорить, что «сущее» происходит из «сущего». Однако в 8-м фрагменте этот вывод кажется не вполне логическим, а соответствующие аргументы несколько излишними, во всяком случае внелогическими.

Обосновывая неподвижность «сущего» (фр. 8, 26–33), Парменид вновь ссылается на некие границы оков, в которых «сущее» удерживает богиня Ананке. Обычно Ананке понималась греками как некая сила, следящая за исполнением воли богами и людьми. Уже во времена Парменида она становится мировым законом, управляющим сменяемостью времен года, дня и ночи, движением небесных тел, а также рождением и смертью. Ссылка на нее как на причину неподвижности «сущего» представляет собой пример аргументации, далекой от какой-либо математической точности или строгости.

С другой стороны, «закругленность» искомого Парменидом «сущего» также обеспечивается Ананке, а его «целокупность» — оковами Судьбы. Эти и другие перечисленные выше аргументы нельзя назвать логическими. Объясняя их, элеат не пытается строить свою мысль на манер косвенного доказательства.

Наконец, если говорить о «логике» Парменида в целом, то следует отметить, что его «логика» тесно связана не с понятиями в их более или менее сформулированном виде, а со словами. Этими словами Парменид оперирует как своего рода значками или терминами. Они выступают у элеата тем, что Рассел называл «символами» [11, с. 140]. Соответственно, доказательства философа оказываются доказательствами не объектов или тем, что могло бы определяться соответствующими понятиями, но доказательствами относительно самих «символов» или, говоря точнее, доказательствами присущности им различных свойств [11, с. 139]. По убеждению Карнапа, формулируемые таким образом предложения или выводы говорят не об объектах, а о словах [10, с. 66]. Это и вносит двусмысленность в выражения Парменида и делаемые им заключения. Получается, что, подобно пауку, как о том говорил Ф. Бэкон [5, с. 56], философ блуждает среди созданных им абстракций, никак не соотнося их с миром эмпирии, но и не давая им каких-либо строгих определений. И действительно, используемые Парменидом слова или термины носят крайне неопределенный характер, а потому невозможно точно указать их объем и содержание, а также ту роль или функцию, которую они выполняли в рассуждении. Такова, в частности, роль глагола «есть» в поэме Парменида, который выступает здесь то в роли предиката, то в роли связки. При этом философ не видит никакой проблемы в том, что «существование» у него фактически оказывается предикатом, а «сущее» выступает искомым субъектом проводимых доказательств. Однако, следует отметить, что перевод на язык логики предикатов приведенных здесь рассуждений выявил бы ряд существенных изъянов в рассуждении Парменида, а также вскрыл бы фундаментальные противоречия, обусловленные логической интерпретацией «существования» в качестве предиката. Отсюда и возникает множество проблем, связанных с реконструкцией доказательств

Парменида. И самой главной проблемой является, пожалуй, описание этой странной «логики» элеата, ее синтаксиса и семантики.

Подведем итог. У Парменида в его поэме имеет место использование косвенных доказательств. Эти доказательства строились им на некоторых казавшихся ему самоочевидными истинах. Они делают возможным само Парменидово рассуждение, но также ограничивают его, задают направление. Сюда относятся такие истины, как «Сущее есть» (фр. 2, 3; фр. 6, 1–2) [13, с. 295, 296], «Ничто не есть» (фр. 6, 1–2) [13, с. 296], «Нет, никогда не вынудить это: «не-сущее сущее»» (фр. 7, 1) [13, с. 296], а также запрет на высказывание «не-сущего» (фр. 8, 8–9), а стало быть, и на использование отрицательных терминов и суждений. Также в поэме встречаются многочисленные ссылки на мифологические сюжеты, долженствующие объяснить или подкрепить те или иные доводы Парменида в пользу доказываемых им тезисов. Эти аргументы являются вспомогательными или второстепенными. Но они не ограничивают напрямую «логику» элеата, т. е. не задают правила ведения рассуждения и не образуют его логический механизм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Античная философия (Фрагменты и свидетельства). — М.: ВПШ при ЦК ВКП(б), 1940. — 214 с.
2. Аристотель. Аналитики. — Мн.: Современное слово, 1998. — 448 с.
3. Афонасин Е. В. Поэма Парменида: Перевод и комментарий. — Новосибирск: Центр изучения древней философии и классической традиции НГУ; Офсет-ТМ, 2021. — 99 с.
4. Бочаров В. А., Маркин В. И. Основы логики: Учебник. — М.: ИД «ФОРУМ»; ИНФРА-М, 2008. — 334 с.
5. Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. — Т. 2. — М.: «Мысль», 1978. — 575 с.
6. Введение в философию: Учеб. пособие для вузов. — М.: Культурная революция; Республика, 2007. — 623 с.
7. Ивин А. А. Основы теории аргументации: Учебник. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. — 352 с.
8. Лобанов С. Д. О дилемме бытия // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. — 2021. — № 1. — С. 42–54.
9. Лукасевич Я. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. — 312 с.
10. Макеева Л. Б. Язык, онтология и реализм. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. — 310 с.
11. Рассел Б. Философия логического атомизма // Рассел Б. Избранные труды. — М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2021. — 304 с.
12. Рохмистров В. Г. Парменид «О природе»: Философское прочтение. — СПб.: Изд-во РХГА, 2021. — 205 с.
13. Фрагменты ранних греческих философов. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. — М.: Наука, 1989. — 575 с.
14. Эллинские поэты VIII–III вв. до н. э. Эпос, элегия, ямбы, мелика. — М.: Ладомир, 1999. — 528 с.